

О некоторых проблемах интерпретации старославянских текстов

В 2003 г. издательство «Дрофа» осуществило издание книги К. А. Войловой «Старославянский язык», допущенной Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 540300 «Филологическое образование». На общем фоне имеющихся пособий по старославянскому языку книга К. А. Войловой выделяется не только удачным соединением собственно теоретической части, словаря и упражнений для самостоятельной работы, но и довольно внушительным по объему собранием текстов на старославянском языке (в нормализованном виде). Практически постоянно при изложении нового учебного материала приводится фрагмент текста в качестве иллюстративного примера. В пособии приведено также около двухсот случаев авторского перевода старославянских фраз (словосочетаний и целых предложений) на русский язык. Большую часть составляют вполне адекватные переводы, однако хотелось бы обратить внимание на оставшуюся часть – переводы, плохо согласующиеся с приводимыми фрагментами старославянских текстов как в грамматическом, так и в смысловом отношении, поскольку эти случаи, на наш взгляд, знаменуют появление тревожной тенденции к игнорированию непосредственной зависимости лингвистически достоверных выводов от филологической достоверности интерпретации материала при работе с древними, в частности, старославянскими, текстами¹. Подчеркнем, что в настоящее время при изучении старославянских текстов установление филологической достоверности не должно представлять особой сложности по причине доступности не только изданий самих памятников, являющихся в большинстве своем переводами с греческого языка, но и изданий оригинальных текстов, а также вариантов переводов

на другие языки (кроме европейских переводов новозаветных текстов укажем одобренный Синодом и изданный в 1876 г. перевод Библии на русский язык и церковнославянские аналоги для подавляющего большинства старославянских текстов), равно как и разнообразной справочной литературы (словари, энциклопедии и библейские симфонии на греческом и русском языках).

Для удобства разделим рассматриваемые примеры перевода на группы. Примеры, отнесенные нами к первой группе, могут быть классифицированы как случаи «цитирования с усечением», иначе говоря – для цитирования была избрана определенная последовательность слов (представляющая собой на самом деле часть предложения или части разных предложений), только на первый взгляд имеющая смысловую законченность.

1.1. «Перфект обозначал действие до момента речи, результатом которого было состояние лица или предмета в настоящем времени, т. е. в момент речи. Например: ...**как же и ма възлюбил кси о[т]че ѡже далъ еси мнѣ хоштѣ** (Савв. кн.) – 'как же ты полюбил меня, Господи, если дал мне все, что хочу'. Здесь действие лица в прошлом имеет результат в настоящем – 'то, что ты дал мне когда-то, оно имеется у меня и сейчас'» (с. 177, подчеркнуто нами. – С. Я.)². Здесь в единую фразу слиты окончание одного предложения и начало другого, что и привело впоследствии к необходимой корректировке добавлением '*всё, что*' и неизбежной затемнённости смысла переведённой фразы. Целиком оба предложения (передающие слова Иисуса, касающиеся всех верующих и обращённые к Отцу) имеют следующий вид (по Мариин. ев., подчеркнут аналог цитируемого в пособии отрывка): «**Азъ въ нихъ и ти въ мнѣ. да вждѣтъ съвршени въ едино. и да разоумѣатъ миръ ꙗко ты ма посылла. і възлюбилъ ѡ еси. ꙗкоже и ма възлюбилъ еси. о[т]че ѡже далъ еси мнѣ. хоштѣ да иждеже есмъ азъ и ти вждѣтъ съ мънож...**». Только после обращения к контек-

сту становится очевидной бессмысленность предложенного К. А. Войловой перевода, обусловленная невнимательностью, допущенной автором пособия при избрании цитаты для иллюстративного примера. Для большей ясности³ обратимся к русскому переводу указанных стихов: «Я в них, и Ты во Мне; да будут все совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня. Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною...» (Ин. 17, 23–24; выделены гласные с ударением).

1.2. Точно такая же невнимательность проявилась и в следующем случае. При анализе наречий меры и степени проявления признака (выражавших в ст.-сл. языке в количественном отношении интенсивность признака действия или состояния предмета), к которым среди прочих относится **зѣло**, приведён такой пример с переводом: «...отроча видѣвши же звѣзда възрадоваша сѧ радостию великою зѣло (Мар. ев. Лука) – 'юноши, увидев звезду, *сильно* возрадовались'» (с. 190). Обратим внимание на несколько моментов. Во-первых, не совсем ясна причина, по которой подлежащее (в рамках *именно такого* прочтения фразы) **отроча** опознано как форма *множественного* числа ('юноши'). Скорее всего, мн. число появилось в переводе под влиянием глагола **възрадоваша сѧ**, которое действительно однозначно указывает на совершения действия несколькими лицами. На основной вопрос, *кто же эти возрадовавшиеся*, поможет ответить обращение к контексту (попутно отметим, что источник цитирования в пособии указан неточно – описываемый эпизод путешествия волхвов вслед за Вифлеемской звездой есть только у евангелиста *Матфея* во 2 главе, отсутствующей в *Мариинском* кодексе, поэтому приведём цитату по Остромирову ев.): «**Онѣ [волхвы] же послѡушавъше ц[ѣса]рѣа идѡша, и се звѣзда, ѡже видѣша на вѣстоцѣ, идѣаше прѣдъ ними, дондеже пришѣдъши ста врьхоу, идеже бѣ отроча. Видѣвъше же звѣзда, възрадовашасѧ радостию великою зѣло. И вѣшѣдъше въ храмниж,**

видѣша отроча съ Маркиѣ матерниѣ его, и падъше поклонишася ему...» (подчеркнут аналог цитируемого в пособии отрывка). Особых затруднений перевод этого текста, в котором речь всё время идёт о *волхвах* (мн. ч.), вызвать не должен. Отметим только, что в данном случае к неправильному членению текста уже добавляются и грамматические нестыковки.

1.3. То же самое неверное членение текста при цитировании проявилось и при описании К. А. Войловой одной из особенностей использования наречий в ст.-сл. языке. «Наречия времени обозначали время действия или состояния предмета: ...**поздѣ** и т.д. Например: ...и **въста**⁴ и **слоужаше** **ему** **поздѣ** (Остр. ев., Матф., VIII) – 'и встали и отслужили ему *поздно*'» (с. 191). Обратим внимание на форму **слоужаше**. В соответствии с таблицей спряжений (с. 177 пособия) определяем, что эта форма соответствует имперф. 2 или 3 л. ед. числа. Множественное число, употребленное в авторском переводе (которому, в свою очередь, должно было бы соответствовать **слоужааху** или **слоужаашете**) вряд ли проясняет смысл переводимого отрывка. Целиком оба предложения выглядят следующим образом (Мф. 8, 14–16. Мариин. ев.): «**и** **пришедъ** **И[сусъ]** **въ** **домъ** **петровъ**. **видѣ** **тѣщи** **его** **лежащи**. **огнемъ** **жегомъ**. **и** **прикоснѣ** **сѣ** **ръцѣ** **еѣ**. **и** **остави** **ѣ** **огнь**. **и** **въста** **и** **слоужаше** **ему**. **Поздѣ** **же** **бывъшю**...» (в русском переводе: «Пришед в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, И коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им. Когда же настал вечер...»).

Даже принимая во внимание то обстоятельство, что в первом из приведённых примеров автора пособия интересовало употребление перфекта (а не богословские тонкости), во втором случае – употребление наречия меры '**сѣло**', и только в третьем случае был затронут сам предмет изучения: наречие времени '**поздѣ**' ошибочно отнесено к другому предложению, вряд ли можно говорить о допустимости та-

ких *побочных* оплошностей, тем более, непосредственно связанных с грамматикой.

1.4. *Усечение* начала первого цитируемого предложения и неразличение двух предложений в одном отрывке оказало серьёзное влияние на авторский перевод и в следующем случае: «...на немъже ослаблены съ лежааше и видѣвъ и[соу]сть вѣрж ихъ г[лаго]ла (Мар. ев. Марк, II) – 'на нем лежали больные, и, увидев Иисус веру их, сказал'» (с. 215). Автора перевода использовавшего *только* мн. ч., скорее всего, сбило с толку словосочетание 'видѣвъ вѣрж ихъ глагола', несомненно указывающее на нескольких лиц, привлёкших внимание Иисуса. И эти самые лица по воле переводчика были помещены на одном одре (на одних носилках), несмотря на категорические и однозначные свидетельства в пользу того, что на носилках лежал *только один* человек – 'ослаблены съ лежааше' (мнж. ч. 'си лежаашу'), к которому и были обращены последующие слова Иисуса. Конечно, можно было бы, с *определённой натяжкой*, предположить возможность размещения на одних носилках нескольких (хотя бы трёх, чтобы избежать сложностей с употреблением двойственного числа – 'лежаашете') больных, искренне веривших в возможность своего исцеления по слову Иисуса... Но все дело заключается как раз в том, что этот эпизод (Мр. 2, 1–5) имеет в Евангелии особое значение: человек, лежавший на носилках не просто 'был болен' (как в предлагаемом переводе), и не просто 'был истощён, ослабел', он был *парализован* (греч. παραλυτικὸν; отметим, что Старославянский словарь⁵ (СС) очень чётко отслеживает исключительно евангельское употребление 'ослабленъ' в значении 'парализован': СС 418) и принесли его несколько людей, преодолевших серьёзные препятствия для того, чтобы доставить своего друга к Иисусу в надежде на Его сверхъестественные способности, и именно на *их* веру (выражение которой и увидел Иисус) обращается внимание в тексте Евангелия. Отметим, что в этом примере ставшая уже

привычной путаница ед. ч. – мн. ч. уже приобретает характер вполне осознанной и целенаправленной замены.

1.5. Требуется приложить немало усилий для того, чтобы понять принцип, которым руководствовался автор перевода фразы, избранной для иллюстрации присоединения придаточного предложения к главному союзом '**аште и**': «**аште и бога не бою сѧ и чловѣкъ не срамлѣю сѧ за не творитъ ми трюдъ въдовица си** (Савв. кн., Лука, XVII) – 'видно, Бога не боюсь и людей не стыжусь, потому что за меня работает эта вдова'" (с. 196. Источник цитирования указан неверно, должно быть: Лк. 18. – С. Я.). В результате получился колоритный образ бессовестного и наглого тунеядца, *вместо которого работает* какая-то вдова. На первый и весьма поверхностный взгляд, такое предположение допустимо – с учетом наличествующих в тексте грамматических форм: личное местоимение **азъ** находится в дат. пад. **ми**, что может указывать на *непосредственную* направленность действия – *вдовица эта творит труд мне*. В том случае, если интерпретировать словосочетание **творитъ трюдъ** в значении *совершения трудовой деятельности, работы*, можно понять смысл завершающей части фрагмента как 'работает мне', 'работает на меня', 'работает за меня'. Однако, в данном случае **творитъ трюдъ** имеет другое значение – 'создаёт затруднение'⁶, и потому более приемлемым образом эту часть можно перевести как 'создает мне затруднение эта вдова'. Теперь обратимся к началу фразы. Уступительный союз **аште и**, как отмечается в Старославянском Словаре, употребляется в значении 'хотя' (с. 76), причинный союз **зане** (в данном конкретном случае в форме **за не**) – в значении 'потому что', 'так как' (СС 229), следовательно весь отрывок можно перевести так: «Хотя и Бога не боюсь и людей не стыжусь, так как (потому что) создает мне затруднение эта вдова». Осмысленной фразы всё равно не получится, даже в том случае, если, следуя мысли автора пособия, изменить 'хотя' на 'видно' – мешает та самая 'вдова', которая 'создает мне затруд-

нение'. Поэтому только после довольно-таки значительных *корректирующих* (можно было бы сказать и *подгоняющих под заранее заданный результат*) изменений перевод и приобретает тот вид, в котором он был помещён в пособии. На самом же деле проблема решается гораздо проще – обращением к самому евангельскому тексту, в результате чего выясняется, что фраза на ст.-сл. языке не окончена, т. е. у неё отсутствует завершающие слова «...**си да мыштыж єѡ**» (мщение (СС 339) здесь понимается в юридическом смысле: 'заступлюсь за неё', 'буду защищать её интерес' – греч.: ἐκδικήσω αὐτήν, лат.: vindicabo illam – и приведённые слова принадлежат судье, <не отличавшемуся особой порядочностью и высокой нравственностью, которому вдова докучала своей просьбой>). В русском переводе эта притча о судье (Лк. 18, 2–5. Подчеркнут аналог цитируемого в пособии отрывка. – С. Я.) выглядит так: «...в одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь, Но как эта вдова не даёт мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне».

1.6. Рассмотренные выше примеры характеризовались различием разных предложений, приводившим к ошибочному соединению конечных и начальных частей разных предложений в одну фразу, приводившуюся в качестве цитаты, и отрывом одной из частей предложения, создающим видимость завершённости в смысловом отношении оставшейся части фрагмента текста. Теперь обратимся к *внутреннему усечению* – изъятию средней части текста в целостном предложении. В нижеследующем примере из-за подобного усечения цитаты произошло значительное искажение смысла всего предложения, что привело к его некорректной трактовке и, соответственно, к неверному результату в процессе поиска зависимости одной части сложносочинённого предложения от другой: «Со-

юз и соединял предикативные части, находившиеся в условно-следственной зависимости: **...наимъникъ... видитъ вълка градъшта • I оставлѣтъ i овъца** (Савв. кн.) – 'работник видит приближающегося волка, и вследствие этого он бросает овец'» (с. 215. Подчеркнуто нами. – С. Я.). Искусственность добавленного в переводе 'и вследствие этого' в принципе очевидна, поскольку зависимое значение 'оставлѣтъ' не обусловлено наличествующими в цитате словами. Однако, эта зависимость достаточно чётко проявляется при обращении к целостной, неразрушенной (хотя и довольно-таки громоздкой) фразе: **«а наймъникъ иже нѣстъ пастырь. емоуже не сътъ овъца своя. видитъ вълка градъща. i оставлѣтъ овъца и бѣгаатъ»** (Мариин. ев. Ин. 10, 12; подчеркнут удалённый в пособии фрагмент. – С. Я.). Оказывается, по Евангелию, бегство 'наёмного работника' находится в зависимости не от наблюдаемого им факта приближения волка (что предлагается при переводе в пособии К. А. Войловой), а от самой *сути* этого работника ('наимъникъ'), не собиравшегося ради обещанных денег подвергать себя какой бы то ни было опасности. Именно поэтому следующий стих Евангелия дополнительно разъясняет осуществляющееся противопоставление 'истинного пастыря' (который 'д[оу]шж своѣ полагаатъ за овъца') 'наемнику': **«а наемъникъ бѣжитъ. ꙗко наемъникъ естъ и не радить о овъцахъ»** (Мариин. ев., Ин. 10, 13).

1.7. Представляется не вполне корректным перевод *усечённой* цитаты при анализе функции соединительного союза **обаче**, выражающего (в данном случае) присоединительные отношения между предикативными частями сложносочинённого предложения **«се дахъ вамъ власть • настѣпати на змыя... обаче о семь не радуйте са** (Мар. ев.) – 'это я дал вам власть наступать на змея, однако этому не радуйтесь'» (с. 216). Разделённые при цитировании отточием части *искусственно созданной фразы* по смыслу своему связаны весьма длительной и извилистой цепочкой, но при переводе эта цепочка просто исчез-

ла. Для понимания этого пассажа и, соответственно, точного определения смысловых связей, необходимо обратиться к не-искаженному тексту: «Семьдесят учеников возвратились с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем. Он же сказал им: Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию; Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражию, и ничто не повредит вам; Однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются; но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах» (Лк. 10, 17–20; курсив текста, подчеркнут цитируемый в пособии фрагмент. – С. Я.). Таким образом выясняется, что *не радоваться* следует тому, о чем говорится совершенно в другом, вполне законченном по смыслу предложении. Даже с учётом того, что в старославянском (как и в оригинальном греческом) тексте не было разбивки на стихи, *дополнительно* способствовавшей членению на самостоятельные, в смысловом отношении, предложения, в данном случае первое предложение из нашей цитаты и по написанию в старославянских рукописях и на слух воспринимается как законченное по смыслу целое, к которому происходит возврат (в виде отсылки) в третьей части (в русском переводе части отделены знаком ';') второго предложения.

1.8. В эпизоде, завершающем группу примеров усеченного цитирования, снова встречаемся со становящейся уже привычной путаницей действующих лиц. При иллюстрировании роли союза **и** как соединяющего «то, что утверждалось или отрицалось одновременно в обеих предикативных частях» сложносочиненного предложения в пособии предлагается следующий вариант: «...в предложении **...заповѣди твоѣи не прѣстѣпихъ и мѣнѣ николиже не далъ кси козляте...** (Остр. ев.) – союз **и** соединяет отрицательные действия в прошлом: ‘не нарушил твоей заповеди, и мне никогда не дал козленка’» (с. 215). Перевод, по всей видимости, относит оба действия к *одному* лицу (*некто* «не нарушил» и *некто* «мне не дал»), что и позволяет причислять этот пример к предложениям

однородной структуры, хотя формы глаголов весьма определенно указывают на совершенно разных лиц... Фрагмент взят из текста хорошо известной евангельской притчи о молодом человеке, раскаявшемся в своем юношеском своенравии («Облудном сыне»), брат которого, крайне огорченный устроенным в их доме пиршеством, с укоризной напоминает своему отцу: «я никогда не преступал приказания твоего; но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы повеселиться с друзьями моими; А когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка» (Лк. 15, 29–30).

Рассмотренные нами иллюстративные примеры в пособии расположены по рубрикам (сложносочиненное предложение, союз, наречие и т. п.) *в соответствии с переводом*, а не с подлинным старославянским текстом, что, в конечном счете, только подтверждает *необходимость* обращения внимания на филологическую достоверность при работе со старославянскими текстами. Невнимательное отношение к текстовому материалу, избранному в качестве наглядных примеров, дополненное серьезными методологическими нарушениями, привело к тому, что оплошности-пропуски не были исправлены даже после получившегося в результате неудобопонятого (и неприемлемого в общем контексте Евангелия) перевода.

Примеры переводов из учебного пособия К. А. Войловой, объединенные нами во вторую группу, как представляется, могут быть отнесены к спорным в основном по причине изменения смысловых оттенков в переводе по сравнению с оригинальным текстом.

2.1. «В сочетании с модальными глаголами **мошти**, **имѣти**, **хотѣти**, **начати** инфинитив образовывал сложные формы времени глагола, сообщая таким образом всему высказыванию модальное значение или изменение в состоянии предмета: **...ѡда и вы хощете оученици ѡго быти...** (Остр. ев.) –

'когда и вы захотите стать его учениками')» (с. 181). При переводе в результате очевидного смешения вопросительной частицы 'кда' (в значении 'разве') и союза 'кгда' (в значении 'когда') пропал иронический оттенок вопроса «разве и вы хотите стать Его учениками?» (тот же оттенок сохранён в русском переводе: «...или и вы хотите сделаться Его учениками?» Ин. 9, 27).

2.2 Излишний буквализм делает *не совсем удачным*, на наш взгляд, перевод **ВЪЗЛЕЖИТЬ** – 'лежит' в примере, иллюстрирующем передачу в старославянском языке изъяснительных отношений между частями предложений союзами **да** и **тако**: «...и оувѣдѣвъши **тако възлежитъ • в храминѣ фарисѣвъ...** (Мар. ев., Лука, VII) – 'и узнав, что он лежит в доме фарисея'» (с. 195, подчеркнуто нами. – С. Я.). В данном случае следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, в данном фрагменте (с учетом контекста) важно само указание на точное *местонахождение* Иисуса, а не на то, что именно делает Он в доме фарисея – стоит, сидит, ходит или лежит. А во-вторых, употребленный глагол **ВЪЗЛЕЖИТЬ** (греч. *κατάκειται*) имеет значение именно трапезного „возлежания“ за столом, характерного для античной эпохи⁷ (в таком значении исходное *κατάκειται* неоднократно употребляется не только в Новом Завете⁸ и Септуагинте, но и у Платона). В русском переводе глагол дан в славянской форме, что, в свою очередь, заставляет читателя обратить внимание на более глубокое значение самого слова «возлежит»: «...узнавши, что Он **возлежит** в доме фарисея...» (Лк. 7, 37).

2.3. С буквализмом встречаемся и в примере «...**да отгължченъ съворишта бждетъ** (Мар. ев.) – 'будет освобожден от собрания'» (с. 202). В данном случае при переводе не учтен определённый смысловой оттенок, поскольку на самом деле речь идет о довольно страшном для иудеев наказании – *отлучении от синагоги*. В контексте этот отрывок выглядит следующим образом: «...Так отвечали родители его, потому что

боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признаёт Его за Христа, того отлучать от синагоги» (Ин. 9, 22).

2.4. «Частица **ни** передавала усиленное отрицание: **ни азъ глаголюхъ вамъ • коихъ властию си творюхъ** (Зогр. ев., Матф. XXI) 'не я говорю вам, чьей властью это делаю'» (с. 198). Даже с учётом необычного порядка слов в предлагаемом переводе невозможно точно определить – к какому именно слову относится усиливающее отрицание, как об этом говорится в пособии. Только принимая во внимание контекст можно установить, что оно должно относиться здесь ко *всей* фразе, передающей завершение спора Иисуса с иудейскими священниками и старейшинами: «И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Сказал им и Он: и **Я вам не скажу, какою властью это делаю**» (Мф. 21, 27).

2.5. Излишне патетично, на наш взгляд, выглядит восклицание, предлагаемое в следующем переводе: «...**вѣдѣлъ бы оубо кто и какова жена** (Мар.ев.) – 'знал бы кто, что это за женщина'» (с. 201). С учетом контекста смысл всей фразы несколько иной: «Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница» (Лк. 7, 39).

2.6. В завершении притчи о блудном сыне автором перевода предлагается несколько изменить формулировку: «...**братъ съ мрътвѣ бѣ и оживѣ • изгыбѣ бѣ и обрѣте сѧ** (Остр. ев., Лука, XV) – 'брат твой воскрес из мертвых, считался пропавшим и нашелся'» (с. 204). В этом переводе не совсем корректно выглядит формулировка 'воскрес из мертвых' (в общем религиозном контексте старославянской литературы), дезавуирующая *образность* финала притчи. Русский перевод в этом случае проявляет определённую строгость: «...брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15, 32).

2.7. «**І ишѣдъ І[соу]съ видѣ народъ многъ • І мили емоу быша** (Зогр. ев., Марк, VI) – 'и Иисус, выйдя, увидел много народа, и они дороги ему были'» (с. 205). Чрезмерный буквализм перевода скрадывает смысловой оттенок *милующей*

жалости, подчеркивая оттенок преходящего со временем признания *ценности*. В русском переводе: «Иисус, вышед, увидел множество народа и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастыря...» (Мр. 6, 34).

2.8. «...посъла равѣ свои в годѣ вечери (Остр. ев.) – 'послал своего раба вечером'» (с. 206). Утерянными оказались оттенок *определённого срока* и смысл действия: «послал сказать», что нарушает смысловую целостность художественного образа, используемого в притче, так как речь в данном эпизоде идет именно о *времени сбора* гостей⁹, призванных на торжественную *вечерю*: «И посъла равѣ свои въ годѣ вечери рещи зъванымъ придѣте, ко оуже оуготована сѣтъ всѣа» (по Остр. ев.). В русском переводе: И когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо все уже готово (Лк. 14, 17).

2.9. В примере «супин ...в предложении употреблялся при глаголах движения для обозначения цели этого движения: ...приде бо с[ы]нъ чловѣчьскыи възискатъ и спастъ погыбшааго (Остр.ев.) – 'так как придет сын человеческий спросить с погибшего и спасти его'» (с. 181) явно прослеживается тенденция к *модернизации*: старославянское 'възискати' очевидно интерпретировано автором перевода в современном значении *взыскания* (напр.: *взыскать* по суду, дисциплинарное *взыскание*, и т. п.) тогда как в Евангелии говорится об усиленном *поиске* (греч. ζήτησις). В русском переводе: «Ибо Сын Человеческий пришел *взыскать* и спасти погибшее»¹⁰ (Мф. 18, 11) интересующий нас глагол, как и в случае 2.2, рассмотренном выше, оставлен без перевода, очевидно по тем же самым причинам (отметим также, что русский (Синодальный) перевод ориентировался всё-таки на людей, знакомых с православной традицией, для которых, в частности, не представлялось трудностью, например, понимание наименований богородичных икон «*Нечаянная радость*», «*Взыскание погибших*», «*Споручница грешных*» и др.).

Последняя группа рассматриваемых примеров объединяет случаи существенного изменения смысла при переводе в результате изменения значений переводимых слов и пренебрежения принципами грамматики старославянского языка. Однако, до начала рассмотрения обратим внимание на пассаж, стоящий особняком: «Плюсквамперфект... – сложная форма прошедшего времени, имевшая в старославянском языке значение давно совершенного действия, предшествовавшего другому действию в прошлом (предпрошедшее время). Например: ...и **вѣахѹ сѣдаце фарисеи и законоучительк • иже вѣахѹ пришьли отъ вьсакоа вьси галиленскы...** (Остр. ев. Лука. V) – 'и были здесь сидящие фарисеи и законники, которые пришли от правителей Галилеи', т. е. 'фарисеи и законники здесь присутствовали, а до этого они пришли из Галилеи'» (с. 178–179, подчеркнуто нами. – С. Я.). По всей видимости слово 'правителей' оказалось здесь в силу технической ошибки, поскольку оно отсутствует во втором разъясняющем варианте перевода (если, конечно не допускать возможность смешения существительного 'вьсь', обозначающего населенный пункт, с 'власть' в значении *правители, начальствующие лица* и т. д.), и поэтому мы не рассматриваем этот пример наряду с остальными.

3.1. «Например, в предложении ...**како бѣдетъ се иде мѣжа не знаѣ** (Мар. ев., Лука, 1) частица **иде** вносит в смысловую структуру предложения дополнительный усилительный оттенок: 'как это будет, *ведь* человека не знаю'» (с. 196–197). В целом ряде случаев **мѣжъ** (греч. ἀνήρ) действительно переводится в обобщающем смысле как 'человек, мужчина' (пример на с. 140; СС, 342), но в данном конкретном случае – при описании беседы архангела Гавриила с Марией (эпизод Благовещения Лк. 1, 34) речь идет именно о *супружеских отношениях* (на что указывает и глагол 'знати' (СС 238), который в подобных случаях словоупотребления относится как раз к этой сфере

человеческой жизни), да и усилительный оттенок здесь должен относиться именно к *целому* словосочетанию '**мѣжа не знаѣ**'.

3.2. «Частица **не** использовалась в качестве прямого отрицания того, что содержало слово, к которому она относилась по смыслу: **не приидѣ разоритѣ нѣ исплѣнитѣ** (Зогр. ев., Лука, XXII) – 'придя, *не* разорит, но сделает'» (с. 198–199, евангельский источник цитаты указан неверно. – С. Я.). По всей видимости **разоритѣ** и **исплѣнитѣ** опознаны здесь как формы 3 л. ед. ч. наст. врем. глаголов 4-го тематического класса (с. 159 пособия). Но тогда не получается согласования с '**не приидѣ**'. Такое согласование возможно лишь в том случае, если **разоритѣ** и **исплѣнитѣ** понимать как супин (соответствующий пример для случая 3 л. ед. ч. приведен в пособии на с. 181), что подтверждается употреблением род. падежа **закона** в приведённом страницей ранее более полном виде фразы: '**разоритѣ закона**', а '**не приидѣ**' – понимать как форму простого аориста 1 л. (а не 3 л.)¹¹. С учетом такого подхода вся фраза приобретает более 'канонический' вид: 'не пришел [я] нарушить [закон], но [пришел] выполнить' или 'не нарушить [закон] пришел, но исполнить'. В русском переводе: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17).

3.3. «**Въ оно врѣмѣ законникъ етеръ приде** (Асс. ев.) – 'однажды явился некий священник'» (с. 206). В данном переводе совершенно неправомерно употреблен термин 'священник'. Старославянский словарь действительно приводит такое значение для старославянского '**законьникъ**', но, как это уже отмечалось в нашей статье по поводу книги Т. И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка»¹², это – труднообъяснимый гапак (единственный случай словоупотребления), относящийся *только* к рукописи Киевских листков, переведенной с латинского языка. Во *всех* евангельских случаях словоупотребления '**законьникъ**' (*νομικός*) имеет значение 'знарок, исследователь, толкователь' применительно к древне-

иудейскому Закону¹³ и при переводе должно сохранять давно устоявшуюся форму 'законник' (СС 228. Отметим, что английский перевод King James Version в указанных случаях удерживает *lawyer*).

3.4. Не соответствует оригиналу предлагаемый автором перевод следующего примера: «...**І се жена етера сжшти • въ точении кръве...** (Зогр. ев.) – 'кровотечение открылось у некой женщины'» (с. 206). Ведь и по форме и по смыслу (в контексте) речь идет о *уже имеющем место* в продолжение длительного времени кровотечении, от которого в последующий момент эта женщина чудесным образом исцелилась, что и подтверждается усечённым окончанием фразы: '**...кръве лѣтъ двѣ на десѣте**' (по Мариин. ев.). В русском переводе: «Одна женщина, которая страдала кровотечением двенадцать лет...» (Мр. 5, 25).

3.5. «...**егда отъставленъ вѣждъ отъ строиеньѣ домоу...** (Зогр. ев.) – 'когда освобожден буду от строительства дома'» (с. 206, подчеркнуто нами. – С. Я.). В старославянском языке 'строкине', 'строительство' и даже 'строити' имеют значение 'управлять', 'устраивать', восходящее к греч. термину 'οἰκονομία' (СС 630)¹⁴. В соответствии с этим, подчеркнутое словосочетание было бы корректнее переводить 'от управления домом (домашним хозяйством)¹⁵, поскольку речь идет именно об управляющем (экономе).

3.6. «...**не достонитъ тебѣ имѣти жены филипа брата своего** (Мар. ев.) – 'ты не достоин жены Филиппа, своего брата'» (с. 207). В данном случае совершенно упущен из виду оттенок *долженствования*¹⁶ и перепутаны логические ударения. В соответствии с евангельским повествованием Иоанн Креститель, которому принадлежат эти слова, весьма категорично осуждал правителя Галилеи царя-'четвертовластника' (τετραάρχης) Ирода Антипу (сына царя-правителя Иудеи Ирода Великого, известного, в частности, по «избиению младенцев») за его незаконные отношения с Иродиадой. Поэтому дело здесь совсем не в указании на несоответствие требовани-

ям, предъявляемым Ироду его женой (только в этом случае можно говорить: ты её не достоин), а совсем в другом – в обличении и осуждении Иоанном Ирода с подчеркиванием аспекта *непозволительности* поступка, совершённого последним ('достоиати' – 'следует, полагается, надлежит' СС 196). В русском переводе: «Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата своего» (Мр. 6, 18). Обратим внимание на тот факт, что на той же самой странице пособия, только чуть ниже, совершенно правильно переведена фраза с аналогичным словом: «...**ДАЖДЬ МН ДОСТОИИЖ ЧАСТЬ ИМЕННИА** (Остр. ев.) – 'дай мне *положенную* часть наследства'» (курсив наш. – С. Я.).

3.7. «...ї пришьдъшюмоу на онъ полъ... срѣтоста и дѣва вѣсьна (Зогр. ев.) ... 'когда пришлось зайти на ту половину, он встретил двух бесов'» (с. 209–210). Кроме употребления примитивного подстрочника 'на ту половину' (вместо 'на другой берег') здесь упущен смысл *целого* предложения, зависящий от контекста: Иисусу встретились не *сами* бесов, но именно 'беснующиеся люди' (δαίμονιζόμενοι) или 'люди, одержимые бесами (злыми духами)', на что указывает и прил. 'вѣсьнъ' ('одержимый злым духом, бесноватый' СС 107). О 'людях, одержимых бесами' следует говорить и с учётом контекста, включающего описание последующих событий – исцеления этих *бесноватых* (после *изгнания* из них *бесов*) и уничтожения свиного стада, в которое были направлены *изгнанные из людей бесы* (Мф. 8, 28–34)^{<17>}.

3.8. Совершенно недопустимым, тем более для *учебного пособия*, на наш взгляд, является следующий вариант авторского перевода: «вѣ **нероусалимѣ ксть мѣсто идеже кланяти сѧ подобаѣтъ** (Остр. ев.) – 'в Иерусалиме есть место, которому подобает кланяться'» (с. 212, подчеркнуто нами. – С. Я.). Отметим, во-первых, что наречие 'идеже' имеет значение 'где' (СС 246) и, во-вторых, сам смысл вопроса, заданного самарянкой Иисусу (в пособии вопрос приведён в привычной *усечённой* форме), заключается именно в попытке разобраться в противо-

стоянии двух традиций, по-разному решавших проблему 'где же надлежит совершать поклонение Богу' – самарянской (на горе Гаризим) и общеиудейской (в Иерусалиме): «Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк; Отцы наши поклонялись на этой горе; а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме» (Ин. 4, 19–20).

3.9. «**Не вси вѣмѣстатъ словесе сего • нѣ имѣже дано естъ** (Зогр. ев.) – 'не всё усвоят из того, что он говорил, но столько, сколько им дано усвоить'» (с. 216, подчеркнуто нами. – С. Я.). В данном случае смысл перевода принципиально отличается от смысла оригинального (старославянского) текста, хотя и угадан *количественный* аспект этого предупреждения. <Для *правомерности* предложенного в пособии К. А. Войловой перевода вместо 'не вси' ('не все' – многочисленность предметов или лиц, ср. '...вѣси бо п[ро]р[о]ци и законъ до ноана прорѣша' Мф. 11, 13; 'вси бо имѣша ѿ' Мф. 22, 28. Мариин. ев.) в оригинале должно было бы находиться 'не всѣа' или же 'не всѣѣ' ('не всё' – исчерпывающая множественность в качестве целокупности, ср. '...бываѣшѣа отъ него всѣѣ' Лк. 9, 7. Мариин. ев.; кроме этого, безосновательно предполагается предлог 'из': не всё *из* сказанного), а вместо 'имѣже'¹⁸ – 'колико' (или же 'толико').> Принцип, которым руководствовался автор перевода в данном случае, скорее всего, предполагает игнорирование и лексики и грамматики старославянского языка. Ср. в русском переводе: «Не все вмещают слово сие, но кому дано...» (Мф. 19, 11).

3.10. Следующий авторский перевод значительно затемняет смысл оригинального текста: «...и **възърѣвъша видѣша ѣво отъваленъ бѣ камень** (Мар. ев.) – 'и, заплавав, увидели, что отвален камень'» (с. 218, подчеркнуто нами. – С. Я.). Смысл переведённой фразы вполне понятен, но он никоим образом не соответствует смыслу фразы оригинальной, что видно по подчеркнутому слову. <Получается, что жены-мироносицы сначала стояли и смотрели *просто так*, и только 'заплавав, увидели'

(что предполагается переводом).> В старославянском есть специальные глаголы 'плакати' и 'рыдати', есть даже 'стенати' (напр. 'съ стенаниймъ и съ слъзми глагола' *Супр. рук.* 168, 10. *СС* 625), но ни один из них не представлен в цитируемом фрагменте, 'възьрѣвъшм' же как *прич. прош. вр.* от глаг. 'възьрѣти' ('посмотреть, взглянуть' *СС*, 142) не должно представлять никаких трудностей при переводе (если, конечно, не допускать до ничтожности маловероятной возможности ошибочной интерпретации 'възьрѣвъшм' в значении 'реветь – плакать, вопить, плакать голосом, навзрыд'). Ср. в русском переводе: «И взглянувши видят...» (Мк. 16, 3).

3.11 Не менее труднообъясним и следующий случай перевода: «посълаша засѣдъники... да имжтъ і въ словеси... (Савв. кн., Лука, XX) – 'послали коварных людей, чтобы (с целью) *подслушать их разговор*'» (с. 196, курсив наш. – С. Я.). Даже при поверхностном взгляде на язык просятся расхожие выражения «поймать на слове» и «цепляться к словам», которые в некотором смысле соответствуют употребленному здесь греческому обороту (ἐπιλάβωνται αὐτοῦ λόγου) и его славянской кальке. Однако, совершенно непонятным остается происхождение *мн. ч.*, игнорирующее категоричное *і* – Его. В русском переводе: «...подослали лукавых людей, которые притворившись благочестивыми, уловили бы Его в каком-либо слове...» (Лк. 20, 20).

На этом мы закончим рассмотрение отдельных пассажей из учебного пособия по старославянскому языку К. А. Войловой и перейдем к подведению итогов.

На основе обобщения результатов критического анализа отдельных интерпретаций фрагментов текстов на старославянском языке в учебном пособии К. А. Войловой «Старославянский язык»¹⁹ попробуем сформулировать наиболее серьезные, на наш взгляд, проблемы, проявившиеся в авторских вариантах перевода. Отметим 1) *отсутствие работы с первоисточника-*

ми – самими старославянскими текстами (не с отдельными словами или фразами, а с изданиями того или иного памятника). Работа с текстами предполагает не только учет контекста при понимании отдельных случаев словоупотребления (равно как и при переводе отдельных фрагментов текста), но и изучение особенностей как содержания самого памятника, так и формы, в которую заключено и через которую раскрывается это содержание. Значительная часть рассмотренных нами оплошностей своими корнями восходит именно к игнорированию текстов (в основном – евангельских). И тот факт, что *отечественные* издания памятников старославянского языка являются библиографической редкостью (после окончания серии «Памятники старославянского языка» в первые десятилетия XX в., были переизданы только Саввина книга и Остромирово Евангелие, вышедшее к празднованию 1000-летия Крещения Руси) вряд ли может служить единственным оправданием этих оплошностей. Кроме этого, привлекает внимание уже упоминавшаяся странность: непосредственное или близкое соседство рассматривавшихся нами примеров (в частности, эпизоды 2.8, 2.9, 3.5, 3.9–3.11 очень похожи на робкие студенческие эззерсисы) с весьма качественно, а порой – виртуозно, выполненными переводами.

Значительные сложности создает и весьма слабое и неуверенное использование автором учебного пособия текстологических приемов (в частности – верного разбиения отрывка на слова²⁰, получения действительно законченного в смысловом отношении предложения, а не простой последовательности слов и др.), позволяющих свести возможность неправильного прочтения фрагмента текста и, соответственно, искажения при понимании этих фрагментов, к минимуму. Результаты подобного пренебрежения текстологическими приемами говорят сами за себя – это совершенно фантастические конструкции (эпизоды 1.1–1.7), появления которых, на наш взгляд, можно было бы избежать при вдумчивом отношении к используемым отрывкам текста.

Оплошности подобного рода уже встречались ранее в исследованиях древнерусских памятников, подтверждением чему может служить пример, иллюстрирующий ошибку неправильного членения текста при исследовании «Изборника Святослава 1073 г.». Недостаточно тщательное обращение со специальной логической терминологией при переводе философских глав этого памятника Божидаром Пейчевым²¹ вызвало справедливые нарекания А. М. Камчатнова, посвятившего анализу допущенных переводчиком ошибок статью «Философская терминология Изборника Святослава 1073 года и ее перевод»²². Среди множества отмечаемых А. Камчатновым оплошностей перевода встречается одна, обусловленная (как и случае с книгами Т. И. Вендиной и К. А. Войловой) довольно слабым знанием описываемых в новозаветных книгах событий, мест и лиц. В предложении «**кѣтъвопетръсимонъ / сынъионинъ • отъ витъсавидыгали / лѣвискыа • х[ристо]совъ ап[осто]лъ**» (текст воспроизведен по приведенной в книге Б. Пейчева фотокопии с разбивкой строк) город *Вифсауда* <расположенный на территории Галилеи> – родина апостолов Андрея, Петра и Филиппа, была превращена переводчиком (Б. Пейчевым) в собственное имя *Vit* и не известный доселе в библеистике род/группу *савидов*: «Петр – Симон, сын Ионин от Вита, а это значит – принадлежит к галилейским савидам. Он апостол Христа»²³. Такой результат, разумеется, не может быть объяснен одной только сложностью чтения слитно написанного текста. Скрупулезный анализ этой и остальных допущенных переводчиком оплошностей привел А. М. Камчатнова к следующему выводу: «...приходится с сожалением констатировать, что этот перевод во всем существенном не отвечает требованиям адекватности древнеславянскому оригиналу. Использование перевода Б. Пейчева для реконструкции «философских идей, функционировавших в культуре древней Болгарии и Киевской Руси» без риска исказить реальную картину логико-философских знаний той эпохи едва ли возможно»²⁴. Завершая

этот небольшой экскурс в прошлое подчеркнем: для указанного случая, как и для рассмотренных ранее пассажиров из пособия К. А. Войловой (и книги Т. И. Вендиной), характерна одна общая черта – *игнорирование* новозаветных текстов как таковых. Но если для работы почти тридцатилетней давности²⁵ эта особенность может быть хоть как-то оправдана ссылкой на чрезмерное влияние атеистической идеологии на отдельных исследователей, то современный ее рецидив, поражающий воображение своими масштабами, оправдан быть никак не может. В целом же очередную проблему можно сформулировать как 2) *невнимание к методам текстологии*.

Отдельно следует выделить недостаточную тщательность грамматического анализа используемых текстов. Необоснованное смешение форм мн. и ед. чисел в книге К. А. Войловой (1.2–1.4 и др.), как мы убедились, не приводит к положительным результатам. Кроме всего прочего, такие произвольные изменения, на наш взгляд, связаны с недостаточно четким пониманием самого оригинального текста. При этом нарушается одно из главных условий «хорошего перевода», сформулированных еще в трактате Э. Доле «О способе хорошо переводить с одного языка на другой»²⁶. Это условие сводится к требованию отчетливого понимания предмета мысли автора переводимого текста и его суждений об этом предмете²⁷, другими словами, уяснения смысла и содержания исходного для перевода текста (о чем в свое время говорили еще Цицерон и св. Иероним). В связи с этим следующую проблему можно сформулировать как 3) *невнимание к особенностям грамматических конструкций текста*.

Достижение ясности для исследователя оригинального текста непосредственно связано с обращением к контексту. Это необходимо для понимания фрагмента именно как *фрагмента*, то есть *части* текста, неразрывно связанной в смысловом отношении с оставшимися частями, несущей на себе смысл *целого*, раскрывающей с какой-либо стороны этот смысл и только в

силу этого приобретающей свои смысловые и формальные границы. Настойчивое пренебрежение контекстом, характерное для анализируемой книги К. А. Войловой²⁸, приводит к довольно серьезным искажениям при попытках понять старославянский текст. Позволим себе привести довольно громоздкую цитату (относящуюся, правда, к специфике работы с авторскими черновиками более позднего, чем старославянские памятники, периода), из высказывания известного пушкиниста С. М. Бонди, в которой содержится весьма важное, на наш взгляд, методологическое указание, по праву могущее быть примененным и к исследованию древних текстов: «... идти в работе не от частей к целому, а от целого к части (и потом опять к целому); не из прочтения отдельных слов составлять целое стихотворение, отрывок, а наоборот, *пользоваться пониманием целого для прочтения отдельных слов...* Сначала, путем первого несовершенного ознакомления, читающий должен составить себе представление об общем содержании отрывка: что это такое? о чем там идет речь? каков общий замысел? Затем, имея уже это представление, читать отдельные слова, догадываясь об их значении не изолированно, а в свете составленного общего представления о целом, о замысле вещи. И, наконец, из этих расшифрованных деталей, отдельных слов и фраз составляется новое, полное, уже не общее, а вполне конкретное знание о читаемом отрывке в целом. Такова в общем схема работы при чтении трудных текстов»²⁹. Как представляется, вряд ли возможно приведение каких-либо серьезных аргументов против использования подобной схемы при изучении старославянских (как и древнерусских) фрагментов текста в их тесной взаимосвязи с контекстом. Отметим также, что внимание к этой взаимосвязи не является чем-то совершенно новым и необычным. Так, например, блаженный Августин, анализируя Псалмы с точки зрения содержащихся в них пророчеств о Христе, указывал, что «фразы, вырванные из контекста» могут относиться совсем к другому предмету, чем тот, о котором ведется рассу-

ждение, произвольно и необдуманно подкрепляемое этими фразами, поэтому следует внимательно следить за тем, чтобы применять отрывки из псалма в соответствии, но не в противоречии, со смыслом этого псалма³⁰. Приходится констатировать, что в пособии К. А. Войловой эти пожелания не были учтены (о чем ярко свидетельствует эпизод 1.7). Поэтому очередную проблему можно сформулировать как 4) *изоляция фрагментов текста и сознательное игнорирование контекста*.

Целый ряд рассмотренных нами оплошностей, обусловлен недостаточно ясным пониманием особого сакрального и культово-религиозного характера подавляющего большинства старославянских текстов, который, в свою очередь, накладывает определенный отпечаток на семантику употребляемых слов. Ведь одной из главных особенностей старославянского языка следует, по всей видимости, считать его функционирование в той среде и в таких исторических условиях, которые характеризуются нечасто встречающимся взаимопроникновением религии и культуры, иными словами, ситуацией, когда «религия и культура выступают как одно целое»³¹. На наш взгляд, хорошее знание содержания евангелий помогло бы избежать возникновения ошибочных интерпретаций в рассмотренных нами эпизодах 1.2, 1.4, 1.6, 2.1, 2.3, 2.5, 2.10, 3.1 и 3.6–3.8. Кроме этого, в пособии слишком мало внимания уделяется тому обстоятельству, что старославянские памятники являются переводными и потому особенности их языка (в определенной степени обусловленные оригинальными текстами) проявляются не только в специфической лексике, но и в неоднозначности используемых слов (2.2, 2.9, 3.3) и оборотов (1.5, 3.5). Эти языковые особенности сохранялись и в дальнейшем – не только в старославянских памятниках, но и в древнерусских. К примеру, в качестве одного из прочно устоявшихся и широко использовавшихся литературных штампов, основанного на искаженном прочтении, А. И. Соболевский в своей рецензии на книгу В. Н. Малинина «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его

послания» (Киев, 1901) приводит самоуничижительную формулу древнерусских книжников «елинских борзостей не текох», восходящую к некритическому восприятию оборота «...аще еленьскыа борзости претечеши», в котором прилагательное «еленьскыа» соотнесено с названием народа, а не с названием быстро передвигающегося животного³². Итак, очередную проблему можно сформулировать как 5) *невнимание к специфике старославянского языка как языка перевода христианских текстов с греческого*.

Выявленные нами по итогам критического анализа примеров перевода фрагментов старославянских текстов в учебном пособии К. А. Войловой проблемы самым фактом своего существования подтверждают определяющую роль *филологической достоверности* как при изучении старославянского языка, так и в процессе исследовательской работы с текстами самих старославянских памятников.

Примечания

¹ Целый ряд серьезных ошибок подобного характера был проанализирован нами в статье: *Яковлев С. В.* Критические замечания по поводу исследования Т. И. Вендиной «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2004. № 2 (16). С. 112–122.

² Во всех случаях цитирования не оговариваются выделения, сделанные автором пособия.

³ Во всех случаях обращения к русскому тексту Библии (Синодальный перевод) мы приводим цитаты только в качестве пояснений, но не в качестве образцов для перевода.

⁴ В тексте пособия ошибочно напечатано **вѣста**.

⁵ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

⁶ Греч.: *παρέχειν μοι κόπον*. Аналогичное евангельское употребление этого словосочетания: 'и... **отвѣштавъ речеть не твори ми трюдь...**' (Лк. 11, 7. Мариин. ев. В Синод. пер.: «...скажет ему в ответ: “не беспокой меня...”»). В значении ‘заставить смутиться *кого-либо*’

встречается в Мф. 26, 10 (пар.: Мк. 14, 6): **что труждаете женж.** Интересен также оборот в Ин. 4, 6: «Иисус, утрудившись от пути (κεκοπιακῶς – **трудожд са** – ἐκ τῆς ὁδοπορίας), сел у колодца».

⁷ Отметим, что этот же глагол вызвал определенные трудности интерпретации у Т. И. Вендиной (см.: *Яковлев С. В.* Указ. соч. С. 115–116). Более подробно о традициях приема пищи в древности: *Strack H. L., P. Billerbeck.* Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrasch. Vol. 4. München, 1965, S. 618; [Никифор, архим.] Библейская энциклопедия. М., 1891, 805–806.

⁸ Отметим, что при переводах с латинского (также удерживающего двузначность: *accubuit in domo pharisaei*) на европейские языки – немецкий, английский и французский – неизменно применяются поясняющие добавления («за столом» и т. п.) корректирующего характера

⁹ Эту особенность значения подчёркивает А. С. Львов в своем исследовании «Очерки по лексике памятников старославянской письменности» (М., 1966. С. 261).

¹⁰ Обратим внимание на то обстоятельство, что в Синод. пер. 'погибшее' – употреблено в обобщающем значении (поэтому *средн. р.* как и в греч.).

¹¹ Аналогичная конструкция: '**не придѣ призѣвать праведъникѣ нѣ грѣшъникѣ въ покаянне'** Лк. 5, 32. Мариин. ев. (в Синод. пер.: «Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию»); '**огнѣ придѣ въврѣштѣ въ земльж...**', '**мыните ли ѣко мира придѣ дати на земльж...**' (Лк. 12, 49. 51).

¹² См.: *Яковлев С. В.* Указ. соч. С. 118.

¹³ Подробнее см.: *Strack H. L., Billerbeck P.* Idem. Vol. 1, 898–900.

¹⁴ Откуда ст.-сл. и др.-рус. *икономъ*, рус. *экономика*, *экономка*. В ст.-сл. евангельских текстах греч. οἰκονόμος соответствуют **приставъникъ** (Лк. 12, 42; Лк. 16, 1), **икономъ** (Лк. 16, 8). Весьма интересен пример Мариин. ев., дающего следующее чередование в притче о неправедном домоправителе (фрагментарно приведем Лк. 16. 1–8 по Синод. пер. с указанием греч.–ст.-сл. соответствий): «...один человек был богат и имел управителя (οἰκονόμος = **приставъникъ**), на которого донесено было ему, что расточает имение его; И призвав его, сказал ему: что я слышу о тебе? дай отчет в управлении (τῆς οἰκονομίας = **о приставленни домовнѣмь**) твоём, ибо ты не можешь более управлять (οἰκονομεῖν = **домоу строити**). Тогда управитель (ὁ οἰκονόμος = **приставъникъ домоу**) сказал сам в себе: что мне делать? господин мой отнимает у меня управление домом (τὴν οἰκονομίαν = **строение домоу**): копать не могу, просить стыжусь; Знаю, что сделать, чтобы приняли ме-

ня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом (τῆς οἰκονομίας= **отъ строениѣ домоу**)... И похвалил господин управителя (τὸν οἰκονόμον = **иконома**)...».

¹⁵ В противном случае, с учётом определённых связей между старославянским и древнерусским языками, следовало бы переводить название всем хорошо известной книги «Домострой» как «Строительство дома» и рассматривать эту книгу, к примеру, как инструкцию по сборке и монтажу типовых конструкций загородных домиков.

¹⁶ Аналогичный случай словоупотребления в Лк. 6, 2: **что творите егоже не достоинъ (οὐκ ἔξεστιν) творити въ соботѣ** (по Мар. ев.).

¹⁷ Этот евангельский фрагмент (с учётом некоторых видоизменений) аналогичен фрагменту Лк. 8, 32–36, использованному в качестве эпиграфа к роману Ф. М. Достоевского «Бесы».

¹⁸ См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. В 2 ч. Ч. 2. М., 1952. С. 114. Очевиден *дат. пад.* 'те, кому', 'которым'.

¹⁹ Заслуживает внимания тот факт, что одним из рецензентов учебного пособия К. А. Войловой является неоднократно упоминавшаяся Т. И. Вендина.

²⁰ Об особенностях чтения древних текстов, и в частности, о правильном разделении на слова, предупреждал еще блаженный Августин, разрабатывавший теоретические основы историко-филологического подхода к библейским текстам в своем трактате «О христианском учении» (см.: *Антология средневековой мысли.* В 2 т. Т.1. СПб, 2001. С. 73–75, 101). О необходимости такого правильного разделения, как об одном из основных условий «правильного понимания лексической стороны текста», говорил и Д. С. Лихачев, приводя в своем неоднократно переиздававшемся фундаментальном труде «Текстология» случаи аналогичных ошибок при издании древнерусских текстов (см.: *Лихачев Д. С.* Текстология. СПб., 2001. С. 159, 162 и др.).

²¹ Перевод опубликован в качестве приложения к русскому изданию его книги «Философский трактат в Симеоновом сборнике». Киев, 1983. С. 138–145.

²² В кн.: *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому.* Сб. ст. / Отв. ред. Л. П. Жуковская. М., 1987. С. 67–73.

²³ Цит. по: *Камчатнов А. М.* Философская терминология Изборника Святослава 1073 года и ее перевод // *Древнерусский литературный язык...* С. 72.

²⁴ Там же. С. 73.

²⁵ К настоящему времени опубликован перевод «философских глав» Изборника (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. СПб., 2000. С. 136–167) тщательно выполненный Г. М. Прохоровым с учетом греческо-

го кодекса (Codex coislinianum № 120 Парижской национальной библиотеки), считающегося наиболее близким к протографу Изборника.

²⁶ Тракта́т написан в 1540 г. и считается одним из первых в Европе теоретических сочинений, посвященным исключительно теории перевода.

²⁷ См. дополнительные разъяснения по поводу этой формулировки в кн.: *Гарбовский Н. К.* Теория перевода. М., 2004. С. 84–87.

²⁸ Как, впрочем и для исследования Т. И. Вендиной (подробнее см. *Яковлев С. В.* Указ. соч., 113–115.)

²⁹ *Бонди С. М.* О чтении рукописей Пушкина // Известия АН СССР. 1937. № 2–3. С. 592 (подчеркнуто автором, курсив наш. – С. Я.). С применимостью предложенной С. М. Бонди схемы в исследованиях древнерусских текстов полностью согласен Д. С. Лихачев (см.: *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 163).

³⁰ Блаж. Августин. О граде Божием. Минск-Москва, 2000. С. 883–884.

³¹ *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 62.

³² Приведено в: *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 191.

(Опубликовано: *Яковлев С. В.* О некоторых проблемах интерпретации старославянских текстов // *Palaeobulgarica / Старобългаристика.* Sophia, 2006. № 2 (XXX). С. 62–79)